

Социологические исследования
Sociological researches

УДК 316.77

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-77-94

**О концептуальном и операциональном определениях понятия «нарратив»
(к проблеме автоматизированного извлечения нарративов из больших массивов данных)¹**

Саркисова Анна Юрьевна²

Кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник, SPIN-код РИНЦ: [1212-0879](https://orcid.org/1212-0879), ORCID: [0000-0001-5674-0962](https://orcid.org/0000-0001-5674-0962), ovanju@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Дунаева Дарья Олеговна

Научный сотрудник, SPIN-код РИНЦ: [7164-7368](https://orcid.org/7164-7368), ORCID: [0000-0002-6622-9882](https://orcid.org/0000-0002-6622-9882), ddo@data.tsu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Петров Евгений Юрьевич

Техник, SPIN-код РИНЦ: [6469-0644](https://orcid.org/6469-0644), ORCID: [0000-0002-7140-7882](https://orcid.org/0000-0002-7140-7882), petrov@data.tsu.ru

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, РФ.

Аннотация

Одним из наиболее перспективных направлений в области приложения технологий анализа больших данных к социальным наукам видится разработка методологии автоматизированного извлечения из контента цифровой медиасферы системы нарративов, связанных с определенной общественно значимой темой или событием. Немногочисленные, но активно развивающиеся исследования в данной области на сегодняшний день весьма хаотичны как в понимании термина «нарратив», так и в подходах к извлечению нарративов. Цель статьи — на основании классических концепций нарратива выделить его сквозные концептуальные признаки и осуществить их операционализацию применительно к задаче автоматизированного извлечения нарративов из социальных сетей. В ходе анализа прослежена концептуальная основа ключевых признаков нарратива, делающих его востребованным в условиях информационно-коммуникационного «бума»: преодоление фрагментарности и дискретности данных, диалогичность и интересубъективность, селективность фактов, релевантность, аксиологичность, конструирование смыслов, особая риторическая организация и др. Рабочим (операциональным, технологическим) определением нарратива предложено считать тематически релевантное высказывание, эксплицированное в форме предикативного простого или сложного предложения, содержащее суждение (утверждение или отрицание), обобщающее высказанные в социальной сети мнения большого количества пользователей и содержащее аксиологическую позицию (оценку, личное отношение к событию). Валидность операционализации в данном случае отчасти обуславливается самим типом дискурса социальных медиа. Для других признаков разрабатывается система индикаторов.

Ключевые слова

Нарратив, концептуальное определение, операциональное определение, «нарративный поворот», автоматизированная детекция нарративов.

Для цитирования

Саркисова А.Ю., Дунаева Д.О., Петров Е.Ю. О концептуальном и операциональном определениях понятия «нарратив» (к проблеме автоматизированного извлечения нарративов из больших массивов данных) // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 77–94. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-77-94

**Conceptual and Operational Definitions of the “Narrative” Concept
(on the Issue of Automated Extraction of Narratives from Big Data)³**

Anna Yu. Sarkisova⁴

PhD, Associate Professor, Research Associate, ORCID: [0000-0001-5674-0962](https://orcid.org/0000-0001-5674-0962), ovanju@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Daria O. Dunaeva

Research Associate, ORCID: [0000-0002-6622-9882](https://orcid.org/0000-0002-6622-9882), ddo@data.tsu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект 23-28-01025 «Исследование нарративов в социальных медиа с применением технологии анализа больших данных (на примере нарративов о вакцинации от COVID-19)».

² Корреспондирующий автор.

³ The study was carried out with the financial support of the RSCF, project 23-28-01025 “Research of narratives in social media using Big Data analysis technology (using the example of narratives about vaccination against COVID-19)”.

⁴ Corresponding author.

Evgeny Yu. Petrov

Technician, ORCID: [0000-0002-7140-7882](https://orcid.org/0000-0002-7140-7882), petrov@data.tsu.ru

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

Abstract

One of the most promising areas in the application of Big Data analysis technologies to social sciences is the development of a methodology for automated extraction of a system of narratives related to a certain socially significant topic or event from the content of the digital media sphere. The few but actively developing studies in this area today are very chaotic both in the understanding of the term “narrative” and in approaches to its extraction. The aim of the article is using the classical concepts of narrative to highlight its cross-cutting conceptual features and to operationalize them in relation to the task of automated extraction of narratives from social networks. The conceptual basis of the key features of narrative is traced, making it popular in the conditions of the information and communication “boom”: dialogicity and intersubjectivity, selectivity of facts, relatability, axiology, construction of meanings, special rhetorical organization, overcoming the fragmentation and discreteness of data, etc. The working (operational, technological) definition of “narrative” is proposed to be considered a thematically relevant statement, explicit in the form of a simple or complex sentence, containing a judgment (affirmation or negation), summarizing the opinions of a large number of users expressed on a social network and containing an axiological position (evaluation, personal attitude to the event). The validity of the operationalization is partly determined by the type of social media discourse. For other characteristics, a system of indicators is being developed.

Keywords

Narrative, conceptual definition, operational definition, “narrative turn”, automated narratives detection.

For citation

Sarkisova A.Yu., Dunaeva D.O., Petrov E.Yu. (2024) Conceptual and Operational Definitions of the “Narrative” Concept (on the Issue of Automated Extraction of Narratives from Big Data). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 104. P. 77–94. DOI: [10.55959/MSU2070-1381-104-2024-77-94](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104-2024-77-94)

Введение

Понятие «нарратив» является сегодня одним из наиболее востребованных как в научном, так и в медийном общественно-политическом дискурсе. Увеличение информационных потоков, бессистемный характер их взаимодействия обострили проблему восприятия информации и конструирования смыслов.

В условиях всеобщего свободного доступа к публичному декларированию своей точки зрения и, как следствие, сосуществования множества источников публичной информации, поляризации мнений «событие» обрастает большим количеством «нарративов» — в общем смысле его вербализованных субъективных трактовок, эксплицирующих аксиологическую, мировоззренческую, идеологическую установку.

Хаотичность и фрагментарность данных, представленных в академической и массовой социальной коммуникации, диктуют необходимость поиска актуальных инструментов, технологий и подходов к их анализу. Оперирование понятием «нарратив» видится одним из перспективных междисциплинарных методов, позволяющих упорядочить большие объемы данных в целостные оформленные структуры, доступные для описания и интерпретации. Детекция нарративов позволит увидеть основные сквозные мотивы и взаимосвязи, конструирующие определенный социальный феномен.

Перспектива разработки технологии автоматизированного извлечения нарративов из тематической коллекции текстов в качестве одной из эффективных социогуманитарных технологий анализа больших данных ставит прежде всего проблему операционализации определения нарратива.

Исследования в области автоматизированной детекции нарративов в больших массивах данных на настоящий момент актуальны, но весьма разнородны как в определении понятия «нарратив», так и в используемых методах. Чаще всего речь идет об автоматизированных обзорах научной литературы (см., например, [Zhang et al. 2021]): термин *narrative review* («описательный обзор»), возникающий в подзаголовках множества зарубежных статей (см., например, [Mair et al. 2021; Vozkurt et al. 2022]), указывает на обзорный характер статьи; под нарративами, соответственно, понимается совокупность исследований по теме. В попытках автоматизированного извлечения

нарративов из источников другого типа, в частности социальных медиа, представлены, например, такие подходы к трактовке нарратива, как идентификация нарративов не на основе содержания, а на основе событийной структуры (завязка, кульминация и т. д.) [Kim, Monroy-Hernandez 2016]; отбор любых повествовательных текстов, функция которых — информирование о событии, с целью дальнейшей кластеризации [Рудакова, Корчевская 2018]; выявление ключевых тем (нарративов) внутри большого корпуса текстов [Бойченко, Жучкова 2020]; автоматизированное реферирование текстов по теме и генерация нарративных резюме (narrative summaries) [Ghodratnama et al. 2021]; противопоставление и автоматизированное разграничение нарратива и полилога на основе структурных параметров текста [Митрофанова 2022]; картирование доминирующих тематических аспектов (нарративов) по заявленной проблеме в контенте социальной сети [Edinger et al. 2023] и др.

Размытость и неконвенциональность термина, частое фактическое приравнивание нарратива к теме, тексту и др. определяют необходимость обосновать выбор термина «нарратив» применительно к задачам автоматизированного извлечения данных. Цели статьи связаны с уточнением содержания понятия «нарратив» в заявленном контексте.

В связи с этим ставятся две задачи: 1) сделать краткий экскурс в историю термина «нарратив» и подчеркнуть, какие концептуальные признаки нарратива в его классических трактовках сегодня оказываются более всего актуальны; 2) на основе выделенных концептуальных признаков нарратива сформировать его операциональное (технологическое) определение, позволяющее осуществить его идентификацию в текстовых данных.

Классические концепции нарратива: историография и литературоведение

Термин «нарратив» возник в историографии и связан с концепцией «нарративной истории», название которой введено в активный оборот А. Тойнби [Toynbee 1976].

Согласно данной концепции, исторические события рассматриваются не в их фактической последовательности и реальном содержании, а через призму контекста и интерпретации. Исторический факт не существует вне познавательного процесса, поэтому не может иметь абсолютного онтологического статуса: историк со значительной долей субъективизма реконструирует прошлое посредством интерпретации и материализует в тексте подобно писателю. Большое значение в концепции нарративной истории имеет язык.

Американский историк Х. Уайт считается одним из основателей «лингвистического поворота» в исторической науке и одним из наиболее известных сторонников риторического подхода к историческому нарративу. В своих трудах [White 1973; White 1980; White 1987] он говорил о схожести методов историка и писателя: оба используют литературные приемы. Так, историк, желая достичь целостности повествования, прибегает к додумыванию и интерпретации, заполняя таким образом недостающую информацию. Историк избирателен по отношению к событиям, субъективно отбирая из них «важные» подобно писателю, организующему сюжет. С точки зрения Уайта, «не существует нерелятивистских интерпретаций исторической реальности, так как каждая из них опосредована видом языка, посредством которого историк предлагает свое оригинальное описание исторического поля, приоритетное к любому предлагаемому анализу, объяснению или интерпретации» [цит. по: Потамская 2019, 196]. Уайт говорит также о проблеме дифференцирования реального и воображаемого. Событие прошлого представляется в дискурсе посредством воображения. Таким образом, репрезентации историков являются «литературными», «риторическими», отличными от научного дискурса.

Уайт считал, что язык, стиль, в частности риторические фигуры, в историографии имеют важное значение, так как влияют на трактовку события. Событие происходит в реальности — оно

не выдуманно, но оно не может войти в историю, пока не будет установлено как факт, а исторические факты уже имеют лингвистическую природу. Риторические приемы выступают инструментом, с помощью которого историк убеждает читателя в правдивости своей версии изложения исторического события.

Посредством формируемого отношения к прошлому формируется и отношение к настоящему. Важным методологическим моментом является то, что, по мнению Уайта, общей чертой всех исторических повествований является осмысление историй прошлого с позиции моральных и ценностных позиций времени рассказчика, поэтому моделирование исторических нарративов позволяет выявлять особенности ценностного восприятия исторического времени, актуализирующие значимые точки исторической преемственности.

П. Рикёр, автор программного труда «Время и рассказ» (1983–1985) [Ricoeur 1985–1987], будучи представителем герменевтики, вызывал критику социологов-позитивистов (не принимавших интерпретативную теорию), «обращаясь к основополагающей проблеме эпистемологии социальных наук — соотношению метода научного объяснения и процедуры понимания» [Борисенкова 2007, 55]. Согласно Рикёру, «наши переживания окружающей действительности артикулированы языком и встроены в нарратив. Иными словами, опыт не дан нам непосредственно, он нарративно организован, и наше знание о нем — это знание повествований» [Там же, 56].

Нарративу присущи временность и связь с человеческим опытом. Повествуя о событиях, мы располагаем их в определенной последовательности: как следствие, опыт всегда нарративно организован. Именно нарратив придает логику фактам и событиям. Нарративные связи не подвергаются эмпирической проверке. Элементы опыта, выбранные для рассказывания, строятся субъектом в определенной логике, то есть в определенных вымышленных связях. Любое теоретизирование (в отличие от последовательного перечисления эмпирических данных), таким образом, содержит в себе элементы повествования, зиждется на законах сюжетопостроения.

Американский философ А. Данто [Danto 1962; Danto 1985] предлагает вариант аналитической философии истории, который роднит с герменевтикой интерес к феномену «исторического повествования как особым образом организованному способу познания и фиксации свершившихся во времени и значимых для настоящего событий, который отличен от теоретического постижения в синхронии феноменов природной и социокультурной реальности» [Губман 2018, 145]. Нарратив служит селекции значимых исторических событий, достойных сохранения. Именно умение связывать настоящее с минувшим конституирует историческое отношение к миру. «Отличительной особенностью постижения исторических событий и способа описания таковых является наррация — повествование о случившемся во времени и имеющем отношение к настоящему. Обращение к истории неминуемо заставляет задуматься о том, что парадоксальным образом прошлое, о котором намеревается поведать изучающий его субъект, становится таковым только при установлении его связи с настоящим, открытым для будущего» [Ануфриева 2018, 145]. Организация исторического нарратива всегда строится как последовательность событий прошлого, соотносенных со временем рассказчика. Сам момент наррации предусматривает наступление последующих событий, связанных с транслируемыми событиями.

Минимальной единицей повествования о прошлом Данто предлагает считать нарративное предложение, рассказывающее о событии или нескольких событиях.

Подобно другим представителям концепции «нарративной истории» Данто считает, что реально произошедшие исторические события не могут быть раскрыты полно и объективно, несмотря ни на какое обилие деталей. Научное изложение не может быть объективным отражением фактов, лишенным тенденциозности.

Таким образом, в историографической науке закрепляются важные для междисциплинарных исследований и трактовок свойства нарратива: событие воссоздается в нарративе посредством интерпретации и воображения нарратора (часто — коллективного нарратора), нарратор субъективно отбирает события для изложения (селективность фактов); нарратив сюжетен, отличается от «реальности» завершенностью; язык и стиль влияют на воспроизведение события в тексте; любой человеческий опыт нарративно организован, именно нарратив придает опыту (фактам и событиям) логику; нарратив всегда связывает прошлое с настоящим (временем рассказчика), ценности времени нарратора влияют на специфику самого нарратива; минимальной единицей нарратива является предложение.

Термин «нарратив» прочно укоренился и в литературоведении.

Отечественная нарратология (за которой никогда не было закреплено этой терминологической дефиниции) была основана формалистами в 1920-е годы. Формалисты говорили об автономной природе поэтического языка, стремились выделить специфичные для литературы приемы. Попытки разграничить искусство и не искусство привели к созданию различных терминологических оппозиций. В частности, русские формалисты впервые ввели термин «фабула» и противопоставили его сюжету. Фабула всегда организована последовательно, согласно хронологическому развитию событий, сюжет организуется по художественным законам и подчиняется замыслу автора. В работе «Морфология волшебной сказки» (1928) [Пропп 2001] В.Я. Пропп выделил 31 функцию действующих лиц, отнеся их к «постоянным» величинам сказки в противоположность «переменным». Из этих функций складывается фабула сказки. По Проппу, структура (набор и последовательность функций) всех волшебных сказок одинакова. Формалисты оказали большое влияние на представителей нарратологического структурализма.

Эпоха, которая сегодня считается классической фазой нарратологии, развивалась как часть структурализма во Франции. Она представлена именами Клода Бремона, Альгирдаса Жюльена Греймаса, Цветана Тодорова, Ролана Барта, Жерара Женетта. Структуралисты переносят лингвистические методы на литературный материал, полагая, что литература структурирована как язык.

Согласно концепции французских структуралистов, любой повествовательный текст построен по модели предложения, поэтому может быть уподоблен предложению. Р. Барт формулирует это следующим образом: «...со структурной точки зрения всякий повествовательный текст строится по модели предложения, хотя и не может быть сведен к сумме предложений: любой рассказ — это большое предложение, а повествовательное предложение — это в известном смысле наметка небольшого рассказа» [Барт 1987, 391]. Ж. Женетт поэтому считает возможным резюмировать всю «Одиссею» Гомера фразой «Одиссей возвращается на Итаку», всю «Божественную комедию» Данте — фразой «Данте путешествует по загробным мирам» и т. д. Понятие же «нарративная фигура», под которым понимается, как и в стилистике, отступление от нейтрального способа рассказывания, у Женетта близко понятию «прием», введенному русскими формалистами: это те способы, которые использует автор, превращая событие в художественное повествование о нем [Genette 1966–2002; Genette 1983].

Большой вклад в развитие нарратологии внес М.М. Бахтин [Бахтин 2002]. Несмотря на отсутствие термина «нарратив» в его трудах, М. Флудерник называет Бахтина «наиболее влиятельным российским нарратологом» [Fludernik 2009, 10].

Роль М.М. Бахтина в развитии нарратологии хорошо определил В.И. Тюпа [Тюпа 2022, 58] — Бахтин со своей концепцией диалога, по сути, сформулировал ее философскую базу. Как было сформулировано Бахтиным, «главное действующее лицо события — свидетель и судия»

[Бахтин 2002, 396]. Для того, чтобы событие состоялось, необходимы по крайней мере два сознания: рассказывающего и воспринимающего рассказ. Обязательна нарративная установка сознания на встречу с иным сознанием; если ее нет — то нет и события. Статус события зависит от ценностной направленности сознания, которая «не может изменить бытие, так сказать, материально... она может изменить только смысл бытия (признать, оправдать и т. п.), это — свобода свидетеля и судии. Она выражается в слове. Истина, правда присущи не самому бытию, а только бытию познанному и изреченному» [Там же, 396–397].

Ю.М. Лотман [Лотман 2005], размышляя над понятием повествовательного кадра, как верно замечает В.И. Тюпа [Тюпа 2022], раскрыл общую природу коммуникативного акта наррации. Реальный мир не дискретен, он непрерывен, а в мир кино внесена дискретность. В кадре важна «граница». Показать нечто безграничное означало бы не сказать ничего определенного: «когда мы смотрим в окно едущего поезда, нам не приходит в голову связывать увиденные нами картины в единую логическую цепь» [Лотман 2005, 665]. Когда мы сцепляем кадры, воображаемые или реальные, рождается монтажный эффект, который Лотман называл низшим уровнем повествования.

Лотман под нарративами понимает сюжетные тексты. В основе понятия «сюжет» (нарратив) лежит представление о событии. Лотман солидарен с Бахтиным в том, что событие как феномен неотделимо от сознания: «...одно и то же событие представляется с одних позиций существенным, с других — незначительным, а с третьих вообще не существует» [Лотман 1970, 283]. Сюжет — это способность расчленив недискретный поток событий на некоторые дискретные единицы и организовать их в упорядоченные цепочки.

Лотман писал о нарративности (сюжетности, событийности) как средстве осмысления жизни: «Сюжет представляет мощное средство осмысления жизни. Только в результате возникновения повествовательных форм искусства человек научился различать сюжетный аспект реальности, то есть расчленять недискретный поток событий на некоторые дискретные единицы... и организовывать их в упорядоченные цепочки... Выделение событий — дискретных единиц сюжета — и наделение их определенным смыслом, с одной стороны, а также определенной временной, причинно-следственной или какой-либо иной упорядоченностью, с другой, составляет сущность сюжета... Создавая сюжетные тексты, человек научился различать сюжеты в жизни и, таким образом, истолковывать себе эту жизнь» [Лотман 1999, 238].

В контексте настоящего исследования интерес представляет также концепция «естественной нарратологии» [Fludernik 2009] одного из ведущих современных нарратологов — М. Флудерник.

Флудерник считает основой нарративности не действие и не сюжетность, а передачу антропоцентрического опыта. Нарратив — это не отчет о последовательности действий, а передача психологического состояния, отображение восприятия и размышления. Это состояние не может быть воспроизведено без приемов художественной литературы, поэтому оно всегда является вымышленным. Флудерник не признает наличия двух типов повествования: художественного и нехудожественного. Повествование само по себе вымышлено не потому, что оно «выдуманно» или связано с фантастическими событиями, а потому, что оно основано на репрезентации психологических состояний и ментальных восприятий. В повествовании на первый план выходят не события как таковые, а скорее то, что является в них удивительным, волнующим или значимым (рассказываемость). Таким образом, центральный тезис «естественной нарратологии» состоит в том, что нарративность должна быть отделена от «зависимости от сюжета» и определена как репрезентация эмпирического опыта. С точки зрения когнитивной теории действие, мышление и чувство составляют основу человеческого существования в мире. Следовательно, существование человеческого персонажа само по себе создает минимальный уровень повествования для текста, в котором он появляется. Наличие персонажа является достаточным для наличия нарративности.

При этом важна и роль читателя: читатели нарративизируют тексты во время чтения. Следовательно, нарративность — это не то, что просто присутствует или отсутствует в текстах, а скорее то, что распознается читателями или иногда проецируется ими на текст.

Флудерник рассматривает художественный нарратив в контексте общей нарративной практики, присущей людям. Повествование является широко распространенной и часто неосознанной речевой деятельностью: все мы являемся нарраторами в нашей повседневной жизни.

Автор ссылается на исследования о том, что человеческий мозг устроен таким образом, что улавливает множество сложных взаимосвязей в форме повествовательных структур, метафор или аналогий. Реконструируя наши собственные жизни как истории, мы любим подчеркивать, как конкретные события привели к последующим событиям и повлияли на них. Жизнь описывается как целенаправленная цепочка событий, которая, несмотря на многочисленные препятствия и благодаря определенным возможностям, привела к нынешнему положению дел и которая еще может иметь дальнейшие непредсказуемые повороты.

Таким образом, повествование дает нам фундаментальную эпистемологическую структуру, которая помогает разобраться в сбивающем с толку разнообразии и множественности событий и создать для них объяснительные модели.

Принципиально, что разные нарративы (narratives) сосредотачиваются на совершенно разных аспектах истории (story). Каждую историю можно проследить, восстановив определенную точку зрения. История (в том числе и история как историография) никогда не бывает объективной, сколь бы велико ни было стремление говорить правду.

В целом литературоведы-нарратологи часто отмечают экстраполяцию нарративности со сферы художественной литературы на другие практики человеческой жизни. «Нарратология перестала быть частью поэтики, теперь поэтика повествования входит в состав нарратологии... Современная нарратология в XXI веке неизмеримо шире поэтики повествования. Теперь это междисциплинарная область исследований разнообразных практик формирования и ретрансляции событийного опыта, в первую очередь — речевых практик рассказывания историй» [Тюпа 2022, 56].

«Нарративный поворот» в социальных науках

Термин «нарративный поворот» (narrativist turn) ввел в научный оборот в 1992 году канадский ученый М. Крейсворт [Kreiwirth 1992]: в своей статье он отмечает всплеск интереса к нарративу в последние десятилетия в самых разных социогуманитарных науках, фиксирует междисциплинарный статус нарратива и как предмета, и как инструмента познания.

С 1970-х годов социогуманитарными науками стала осознаваться неслучайность их нарративного фокуса: осознан познавательный потенциал нарратива применительно к культурным схемам и живым коммуникативным ситуациям.

В.Л. Лехциер резюмирует три момента, отражающие существо нарративного поворота.

1. Опыт человека имеет нарративную природу. Утверждается «нарративная основа человеческой самости, культуры, истории, политики, сообществ и самых разнообразных форм человеческого опыта» [Лехциер 2013, 7].

2. Все свойства нарратива (событийность, темпоральность, хронологическая последовательность, причинно-следственные связи и т. д.) в попытках дать ему научное определение оказываются нерелевантны. Для дефиниции нарратива В.Л. Лехциер предлагает использовать три характеристики: рассказ интересобъективен (кому-то), интенционален (о чем-то) и аксиологичен (зачем-то)» [Там же]. Две последние характеристики связаны особенно тесно, поскольку «не события делают мой рассказ рассказом, а мой рассказ делает событие событием. Для нарративного разума

случилось именно то, о чем я рассказываю, а не наоборот» [Там же]. Рассказ автоматически наделяет онтологической и аксиологической значимостью то, о чем повествует: «Рассказывая о чем-то, рассказ всегда рассказывает и том, что это что-то важно. Рассказ есть настоящая аксиологическая машина, повсеместно и непрерывно работающая в культуре и производящая значимую реальность» [Там же].

3. Нарративный поворот не искусственное, надуманное явление, не результат самоменеджмента научных теорий или методологического произвола. Он вызван всем состоянием культуры новейшего времени. Имеет место эпоха «невероятной демократизации нарративов, заполнения повседневного культурного контента, прежде всего медийного, индивидуальными повествованиями, в том числе бесчисленными автонарративами» [Там же]. Рассказ становится основой социального признания: ты есть, пока рассказываешь историю, пока тебя хотят слушать (Narraro, ergo sum — Рассказываю, следовательно, существую).

Известное влияние на исследование нарратива в социальных науках оказала книга Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» [Лиотар 1998]. Лиотар оперирует понятием «гранд-нарратив» и определяет постмодерн как эпоху недоверия к гранд-нарративам.

Лиотар обращает внимание на то, что знание (существо которого всегда оказывается связано с проблемой легитимизации) не сводится к научному знанию. Все большую значимость получает другой тип знания, который он называет «нарративным». Автор задается вопросом, кто тот «законодатель», который определяет авторитетность знания.

Для традиционного научного знания важно его обсуждение (принятие или непринятие) научным сообществом, то есть признание равными по компетенции, при этом научное знание всегда находится в «опасности» фальсификации. Научное знание преимущественно денотативное и должно отвечать критерию истинности / ложности.

В постмодернистском же мире главным критерием оказывается производительность. Критерий «Верно ли это?» заменяется критерием «Эффективно ли это?» и «Чему оно служит?». Достижение истины как цель науки заменяется перформативностью (если утрировать, практической значимостью).

Таким образом, основная идея Лиотара связана с изменением статуса знания в современном обществе. «Согласно Лиотару, люди больше не доверяют всеобщим принципам, на которые в эпоху модерна ссылалось знание, и возникает огромное число противоречащих друг другу положений, которые дают развитие новому знанию» [Ерофеева 2013, 34].

В эпоху постмодернизма изменяется прежде всего характер социальных связей. Былые «полюса притяжения», созданные государством, ведущими партиями, профессиями, институтами, историческими традициями, теряют свою привлекательность. Людей больше не вдохновляет то, что раньше гранд-нарратив им транслировал как цель жизни.

При этом в современном мире любой человек становится субъектом коммуникаций. «И даже самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют, — будь то позиция отправителя, получателя или референта» [Лиотар 1998, 45], так как человек перемещается вдоль эффектов этих языковых игр. Языковые игры — это необходимый минимум связи для существования общества.

Лиотар делает акцент на языковых фактах с целью выделить их прагматический аспект. Денотативное, перформативное и прескриптивное высказывания различаются спецификой коммуникативных отношений между отправителем, получателем и референтом. Формулируется важный для методологии принцип: «говорить значит бороться — в смысле играть; языковые акты показывают общее противоборство (агонистику)» [Там же, 33], а в агонистике большую роль играют «речевые приемы».

Для нарративного знания характерны близость знания обычаю; его соответствие критериям справедливости или пользы (как способ легитимизации); допущение внутри себя множества языковых игр; право рассказчика на рассказ только потому, что он был его слушателем. Народ сам актуализирует истории, «и делает он это не только рассказывая, но и слушая, а еще становясь героем этих рассказов, иначе говоря, “играя” в них в своих институтах» [Там же, 61].

Актуальным для современной эпохи видится также следующее положение Лиотара. В условиях технологического прогресса в области коммуникации и информационных технологий «в играх с исчерпывающей информацией наилучшая результативность не может заключаться (гипотетически) в получении дополнительной информации. Она получается из новой организации данных, что собственно и составляет «прием». Такая новая организация получается чаще всего при включении в ряд данных, которые до того считались независимыми. Эту способность сочетать между собой данные до того не сочетавшиеся можно назвать воображением. Одно из его основных свойств — скорость» [Там же, 125–126].

Задуманная изначально как отчет о влиянии технологий на науки, книга «Состояние постмодерна» отразила возрастающую в эпоху информационно-коммуникационного взрыва роль множества «небольших» нарративов (в противоположность гранд-нарративу), сосуществующих в условиях комплементарности и конкуренции. Лингвистические игры становятся основой постмодернистской культуры.

Лиотаровский термин «гранд-нарратив» («большой нарратив», «великий нарратив», «метанарратив») закрепился в научном дискурсе. В историографии, например, под гранд-нарративами понимаются обслуживающие и легитимирующую официальную политическую доктрину и «активно воспроизводимые официальной политической историографией коллективные представления относительно тех или иных периодов в национальной истории» [Кирчанов 2015, 1–2]. Исторические гранд-нарративы, как правило, связаны с политикой памяти и отличаются официальной риторикой (см., например: [Ефимищ 2018; Кирчанов 2022]).

Особый интерес представляет нарративный анализ в аспекте постижения специфики социальных феноменов.

Швейцарские исследователи П. Дей и К. Стейерт используют нарративный подход для анализа феномена «социальное предпринимательство» в академическом дискурсе: данный феномен существует исключительно как теоретический конструкт, и в научной литературе закрепился определенный канон, отражающий специфику его концептуализации.

В одной из своих работ они задаются вопросами: 1) какую роль играет «политическое бессознательное» в монологизации академического взгляда на социальное предпринимательство? 2) какие существуют типы нарративов о социальном предпринимательстве и чем каждый из них полезен для развития данного концепта [Dey, Steyaert 2010]?

Поясняется, что социальное предпринимательство характеризуется лингвистической фиктивностью, то есть существует только в рамках определенных нарративных практик. «Политическое бессознательное» обуславливает современный нарратив о социальном предпринимательстве. Выделены три типа нарративов (с опорой на Ж.-Ф. Лиотара): гранд-нарратив — мессианистский сценарий гармоничных социальных изменений; контрнарратив — обеспечивающий интертекстуальность, диалогическое взаимодействие с гранд-нарративом для его интерпелляции; little-нарративы — зондирующие новые области социального предпринимательства и раскрывающие его новые грани.

В другой работе Дей и Стейерт ставят вопросы: 1) почему в академической литературе закрепились определенные представления о социальном предпринимательстве и критика

данного канона маловероятна? 2) как выйти за пределы данных ограничений и стимулировать более творческий и конструктивный взгляд на социальное предпринимательство [Deu, Steyaert 2012]? Авторы используют в качестве материала англоязычные научные статьи 2000-х годов о социальном предпринимательстве, а в качестве методов — методы критической теории (critical theory). Результаты исследования показывают, что в существующей научной литературе имеют место доминирующие нарративы о социальном предпринимательстве, не оставляющие места для критики по существу. Для преодоления застоя в изучении социального предпринимательства и раскрытия потенциала данного феномена необходимо расширение критических подходов к нему. Разработана типология некоторых конструктивных критических подходов: «разоблачение мифов», «критика властных эффектов», «нормативная критика» и «критика трансгрессии».

В более ранней работе [Deu 2006] П. Дей обращает внимание на то, что транслируемые в средствах массовой информации и академической науке нарративы о социальном предпринимательстве создают единогласно положительный образ предмета. У читателя не оставалось другого выхода, кроме как отнестись к социальному предпринимательству с благоговением. Дей приходит к выводу, что академический дискурс опирается на искусно созданную риторику («нравится это кому-то или нет, мы живем в риторическом мире»). Язык перформативен и служит цели убеждения аудитории в правдивости того, о чем говорится. Тексты, считающиеся академическими, на самом деле организованы так, чтобы риторически отразить возможные контраргументы.

С учетом склонности господствующих метанарративов к тотализации необходимы новые критерии для суждения о знании. Дей ссылается на Ж.-Ф. Лиотара, который показал, что значительная часть знания легитимируется либо ссылкой на истину (в форме гранд-нарративов), либо на перформативность. В противовес этим гегемонистским кодам Лиотар выдвигает онтологическую позицию, подчеркивающую, что мир состоит из событий, порождающих множественные интерпретации (или little-нарративы). Пытаясь сформулировать альтернативный принцип легитимации, Лиотар выдвигает паралогию как поиск новых смыслов в языковых играх. Паралогия Лиотара подрывает детерминизм, к которому стремятся два первых принципа, и вместо этого побуждает к поиску еще не обнаруженных нестабильностей и аномалий. Чтобы защитить многозначность означающего социального предпринимательства и задержать его перформативную легитимацию, Дей предлагает искать паралогические основания через стили письма, чувствительные к уникальности усилий социального предпринимательства, и тем самым обходить опасность однозначных прочтений.

Экстраполяция роли историй и повествований на все грани жизни, определившая «нарративный поворот» в социальных науках, получила отражение в множестве работ. Нарратив выступает как способ понимания человеческого опыта [Clandinin, Caine 2008] и объяснительная модель мира [Polkinghorne 1988]. Нарратив рассматривается как фундаментальный компонент социального взаимодействия, соединяющий индивида с культурой, другими индивидами [Сапогова 2005]. Исследуется роль нарративов в экономических процессах [Вольчик, Маслюкова 2018], политических технологиях [Шейгал 2007], конструировании собственной идентичности [Брунер 2005; Кутковая 2014] или исторической идентичности [Малинова 2016]. Подчеркивается прикладное значение нарратива: например, в отделении исторического знания от квазинаучных, субъектно-оценочных высказываний [Чернявская 2016] или в педагогической коммуникации [Гомза 2001]. И.В. Троцук констатирует закрепление термина «нарратив» в философских, лингвистических, психологических, исторических, социологических исследованиях; отмечает факт нарративизации современной науки и, как следствие, ее отказ от мечты

об исчерпывающем знании; перенос интересов науки с анализа объективных социальных явлений на исследование субъективности; трактовка сознания как совокупности текстов [Троцук 2004]. В статье [Huvärinen 2016] высказывается предположение о том, что нарративные исследования в социологии сводятся к трем направлениям: нарративному анализу текстов, социологии нарратива и социологическому анализу нарративных реалий. В связи с тем, что социологическая теория нарратива проработана слабо, утверждается перспективность развития соционарратологии как проекта, сочетающего теоретические идеи постклассической нарратологии и социологии.

Отдельное направление социологических исследований нарратива связано с понятием *storytelling* («рассказывание историй»). Так, в работе [Erol 2015] ставятся исследовательские вопросы: 1) какова роль историй и их рассказывания (*storytelling*) в социологии, в чем сильные стороны нарративных исследований в понимании социологических явлений? 2) как популярные медиа используют нарратив как форму *storytelling*? На материале медиа и прецедентных текстов показано, как детали социальной жизни эксплицируются в рассказывании. По мнению автора, социология и нарратив взаимосвязаны с точки зрения выявления голосов субъектов, рассказывающих о своем опыте. С одной стороны, нарративные тексты наполнены социологической информацией, с другой стороны, большая часть наших эмпирических данных представлена в нарративной форме. В нарративах актуализируются этос, миф, ирония, притча, драма, афоризм, метафора, аллегория и др., образуя многослойную структуру, встроенную в социальную и историческую память.

В работе [Polletta et al. 2011] констатируется, что социологи больше сконцентрировались на нормах, регулирующих содержание нарратива, чем на нормах, регулирующих его использование. Понятие *storytelling* также оказывается в фокусе этой работы, авторов интересует, каким образом *storytelling* (социальные перформансы) интерактивно конструируется, институционально регулируется и оценивается аудиторией в соответствии с иерархиями дискурсивной достоверности. Осуществляется критический обзор научных тематических статей до и после «нарративного поворота». В числе прочих выводов авторы утверждают: 1) группам нужны общие истории; 2) истории могут быть убедительными, когда их рассказывают одни группы, и неубедительными, когда их рассказывают другие; 3) сила приходит не столько от знания правильных историй, сколько от знания того, как и когда их рассказывать; 4) конкретный нарратив становится доминирующим в политическом дискурсе, а затем исключает варианты политики, несовместимые с его узким представлением о реальности.

Операциональное определение нарратива и его валидация

Операциональное определение нарратива конструируется в настоящей статье в перспективе задачи разработки методологии автоматизированного извлечения нарративов, посвященных одной теме / событию, из социальных медиа: например, нарративов о вакцинации от COVID-19 из социальной сети «ВКонтакте».

Рабочим определением нарратива предлагаем считать тематически релевантное высказывание, эксплицированное в форме предикативного простого или сложного предложения, содержащее суждение (утверждение или отрицание), обобщающее высказанные в социальной сети мнения большого количества пользователей и содержащее аксиологическую позицию (оценку, личное отношение к событию). Примеры нарративов: «Коллективный иммунитет — единственный способ борьбы с коронавирусной инфекцией»; «Альтернативные способы защиты от коронавирусной инфекции — мракобесие»; «Вакцина от коронавируса опасна, так как не прошла достаточных испытаний»; «Вакцина от коронавирусной инфекции — это биологическое оружие»; «Массовая вакцинация выгодна фармацевтическому бизнесу»; «Каждый человек имеет право самостоятельно принимать решение (не) вакцинироваться»; «Привитые болеют ровно так же, как и непривитые».

Оправданность используемого в этом контексте термина «нарратив» — с опорой на его классические концепции — обусловлена рядом актуализированных концептуальных признаков. Ряд ключевых концептуальных признаков нарратива, на наш взгляд, подтверждается уже спецификой источника, то есть самим фактом публикации сообщения пользователем в социальной сети (Таблица 1).

Таблица 1. Признаки нарратива, обеспеченные типом источника⁵

Концептуальный (эмпирический) признак	Обоснование наличия (индикатор)
Факт рассказывания. Наличие адресанта и адресата. Диалогичность.	Пользователь публикует в открытом источнике высказывание с явной установкой на его прочтение.
Релятивность транслируемой информации по отношению к реальности. Селективность фактов. Субъективность говорящего (призма контекста и интерпретации). Невозможность подвергнуть нарратив эмпирической проверке, то есть его литературность (в противоположность научности).	Объективная дистанция между говорящим и событием ввиду масштабности события; невозможность владения полной информацией. Опора говорящего на свой или чужой фрагментарный опыт или теоретическая сфокусированность на одной / нескольких гранях «события».
Аксиологичность. Значимость «события», о котором идет речь, для говорящего.	Потребность говорящего высказать мнение, внимание говорящего к «событию». Инициативный характер публикации.
Отражение и передача антропоцентрического опыта говорящего: его состояния, восприятия, размышления.	Рассказывание автоматически влечет за собой авторское самовыражение. Свобода пользователя в обращении с информацией и в собственном коммуникативном поведении, отсутствие цензуры и т. д.

Наличие других концептуальных признаков в рамках автоматизированной идентификации нарративов в социальной сети предлагается обеспечивать с помощью следующих операций (Таблица 2).

Таблица 2. Дополнительная операционализация понятия «нарратив»⁶

Индикатор	Обеспечиваемые концептуальные признаки	Операция
Тематическая релевантность.	«Событие» как тематический интегративный фокус множества рассказов (версий) о нем. Интенциональность любого рассказа.	Предварительное формирование тематической коллекции текстов, в которой планируется идентифицировать нарративы.
Экспликация в форме простого или сложного предложения.	Любой повествовательный текст построен по модели предложения, поэтому может быть уподоблен предложению (редуцирован до него).	Резюмирование (редукция) извлеченных мнений до формата предложения.
Наличие суждения. Предикативность.	Нарратив придает логику фактам и событиям (сами по себе они не имеют логики). Нарратив создает объяснительные модели для жизни. Объединение дискретных фактов / кадров в сюжет и наделение этой цепочки смыслом. Появление причинно-следственных связей.	Предложение-резюме должно носить повествовательный характер.
Обобщение мнений группы пользователей.	Нарративная организация коллективного воображаемого.	Установление минимального количественного порога релевантных текстов.
Наличие аксиологической позиции (оценки, личного отношения).	Отражение в нарративе моральных и ценностных позиций времени говорящего. Способность нарратива аксиологически связывать прошлое и настоящее.	Сентимент-анализ. Ручная валидация.

Заключение

При всем множестве трактовок термина «нарратив» он содержит значимые для современного периода развития информационно-коммуникационных технологий сквозные аспекты семантики, отражающие особенности конструирования, распространения, функционирования и

⁵ Составлено авторами на основе проведенного исследования.

⁶ Составлено авторами на основе проведенного исследования.

восприятия информации в обществе, а также онтологическую, смыслообразующую, прагматическую (воздействующую) роль историй в человеческой жизни, миропонимании и социальном взаимодействии.

Предложенное операциональное определение нарратива представляется рабочим для разработки системы автоматизированного выявления наиболее популярных нарративов о событиях из социальной сети. Перспективы исследования связаны с его практической апробацией в данном контексте.

Список литературы:

Ануфриева К.В. А. Данто: наррация и исторические миры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 144–156.

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / под ред. Г.К. Косикова. М.: МГУ, 1987. С. 387–422.

Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: ИМЛИ им. М. Горького РАН, 2002.

Бойченко А.Е., Жучкова С.В. Что скрывает русский рэп? Тематическое моделирование текстов русскоязычной хип-хоп сцены // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 130–165. DOI: [10.31119/jssa.2020.23.2.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.6)

Борисенкова А.В. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 55–63.

Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1(2). С. 9–29.

Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Нарративы, идеи, институты // TERRA ECONOMICUS. 2018. Т. 16. № 2. С. 150–168. DOI: [10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168)

Гомза Т. Нарратив в лекции // Высшее образование в России. 2001. № 3. С. 53–58.

Губман Б.Л. А.К. Данто и П. Рикёр: повествование как способ познания истории // Философские науки. 2018. № 10. С. 143–159. DOI: [10.30727/0235-1188-2018-10-143-159](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-10-143-159)

Ерофеева М.А. Нарративный характер науки и легитимация научного знания // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1(10). С. 30–34.

Ефимищ Н.М. Прошлое в конструировании национальной идентичности: гранд-нарративы Украины // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 2. С. 77–90.

Кирчанов М.В. «Большие нарративы» как универсальная форма воспроизводства исторических мифов в современной латышской историографии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17826>

Кирчанов М.В. Современный российский европеизм как «маргинальная» политическая традиция и историографический гранд-нарратив // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. № 2. С. 208–216. DOI: [10.35634/2587-9030-2022-6-2-208-216](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-2-208-216)

Кутковая К.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4(16). С. 23–33.

Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1. С. 5–8.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки славянской культуры, 1999.

Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 2005.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158. DOI: [10.17976/jpps/2016.06.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10)

Митрофанова О.А. Нарратив и полилог в тематических моделях // Тезисы 50-й Международной научной конференции им. Л.А. Вербицкой. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. С. 244.

Потамская В.П. Философия истории Х. Уайта: прошлое и нарратив // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 3(49). С. 195–205.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.

Рудакова Г.М., Корчевская О.В. Разработка системы по обработке нарративных данных // ИТНОУ: Информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2018. № 5(9). С. 33–38.

Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.

Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 6–7. С. 56–74.

Тюпа В.И. Ю.М. Лотман и современная нарратология // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 1. С. 55–62.

Чернявская В.Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 76–87. DOI: [10.17223/19986645/41/7](https://doi.org/10.17223/19986645/41/7)

Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. № 2(22). С. 86–93.

Bozkurt A., Karakaya K., Turk M., Karakaya Ö., Castellanos-Reyes D. The Impact of COVID-19 on Education: A Meta-Narrative Review // TechTrends. 2022. Vol. 66. P. 883–896. DOI: [10.1007/s11528-022-00759-0](https://doi.org/10.1007/s11528-022-00759-0)

Clandinin D., Caine V. Narrative Inquiry // The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods / ed. by L.M. Given. CA: SAGE Publications, 2008. Vol. 2. P. 541–545.

Danto A. Narration and Knowledge: Including the Integral Text of Analytical Philosophy of History. New York: Columbia University Press, 1985.

Danto A. Narrative Sentences // History and Theory. 1962. Vol. 2. Is. 2. P. 146–179.

Dey P. The Rhetoric of Social Entrepreneurship: Paralogy and New Language Games in Academic Discourse // Entrepreneurship as Social Change: A Third New Movements in Entrepreneurship Book / ed. by Ch. Steyaert, D. Hjorth. Cheltenham (UK) & Northampton (USA): Edward Elgar Publishing Limited, 2006. P. 121–142.

Dey P., Steyaert Ch. The Critical Turn in Social Entrepreneurship Research // Conference Paper: “Toward an Ideology Critique of Social Entrepreneurship”. University of Northampton, UK. Swindon: ESRC, 2012. URL: <https://www.alexandria.unisg.ch/handle/20.500.14171/91818>

Dey P., Steyaert Ch. The Politics of Narrating Social Entrepreneurship // Journal of Enterprising Communities People and Places in the Global Economy. 2010. Vol. 4. Is. 1. P. 85–108. DOI: [10.1108/17506201011029528](https://doi.org/10.1108/17506201011029528)

Edinger A., Valdez D., Walsh-Buhi E., Trueblood J.S., Lorenzo-Luaces L., Rutter L.A., Bollen J. Misinformation and Public Health Messaging in the Early Stages of the MPOX Outbreak: Mapping the Twitter Narrative with Deep Learning // Journal of Medical Internet Research. 2023. Vol. 25. DOI: [10.2196/43841](https://doi.org/10.2196/43841)

Erol N. The Role of Narrative Methods in Sociology: Stories as a Powerful Tool to Understand Individual and Society // Journal of Sociological Research. 2015. Vol. 18. Is. 1. P. 103–125.

- Fludernik M. *Introduction to Narratology*. London; New York: Routledge, 2009.
- Genette G. *Figures: I–V*. Paris: Seuil, 1966–2002.
- Genette G. *Narrative Discourse: An Essay in Method*. New York: Cornell University Press, 1983.
- Ghodratnama S., Beheshti A., Zakershahra M., Sobhanmanesh F. *Intelligent Narrative Summaries: From Indicative to Informative Summarization // Big Data Research*. 2021. Vol. 26. DOI: [10.1016/j.bdr.2021.100257](https://doi.org/10.1016/j.bdr.2021.100257)
- Hyvärinen M. *Narrative and Sociology // Narrative Works*. 2016. Vol. 6. Is. 1. P. 38–62.
- Kim J., Monroy-Hernandez A. *Storia: Summarizing Social Media Content Based on Narrative Theory Using Crowdsourcing // CSCW'16: Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing (San Francisco, February 27 – March 2, 2016)*. New York: Association for Computing Machinery, 2016. P. 1018–1027. DOI: [10.1145/2818048.2820072](https://doi.org/10.1145/2818048.2820072)
- Kreiswirth M. *Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences // New Literary History*. 1992. Vol. 23. Is. 3. P. 629–657. DOI: [10.2307/469223](https://doi.org/10.2307/469223)
- Mair J., Chien M., Kelly S.J., Derrington S. *Social Impacts of Mega-Events: A Systematic Narrative Review and Research Agenda // Journal of Sustainable Tourism*. 2021. Vol. 31. Is. 2. P. 538–560. DOI: [10.1080/09669582.2020.1870989](https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1870989)
- Polkinghorne D.P. *Narrative Knowing and the Human Sciences*. Albany: State University of New York Press, 1988.
- Polletta F., Chen P., Gardner B., Motes A. *The Sociology of Storytelling // Annual Review of Sociology*. 2011. Vol. 37. P. 109–130. DOI: [10.1146/annurev-soc-081309-150106](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150106)
- Ricoeur P. *Time and Narrative: 3 Vols*. Chicago: University of Chicago Press, 1983–1985.
- Toynbee A.J. *Mankind and Mother Earth: A Narrative History of the World*. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.
- White H. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1987.
- White H. *The Value of Narrativity in the Representation of Reality // Critical Inquiry*. 1980. Vol. 7. Is. 1. P. 5–27.
- Zhang Q., Gao J., Wu J.T., Cao Z., Dajun Zeng D. *Data Science Approaches to Confronting the COVID-19 Pandemic: A Narrative Review // Philosophical Transactions of the Royal Society A*. 2021. Vol. 380. Is. 2214. DOI: [10.1098/rsta.2021.0127](https://doi.org/10.1098/rsta.2021.0127)

References:

- Anufrieva K.V. (2018) A. Danto: Narration and Historical Worlds. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. No. 2. P. 144–156.
- Bakhtin M.M. (2002) *Sobranie sochineniy: v 7 t. T. 6* [Collected works: in 7 volumes. Vol. 6]. Moscow: IMLI im. M. Gor'kogo RAN.
- Barthes R. (1987) *Introduction a l'analyse structurale des recits*. In: Kosikov G.K. (ed.) *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury 19–20 vv.: Traktaty, stat'i, esse*. Moscow: MGU. P. 387–422.
- Boichenko A.E., Zhuchkova S.V. (2020) What is Inside Russian Rap? Topic Modeling of the Texts of the Russian-speaking Hip-hop Stage. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. Vol. 23. No. 2. P. 130–165. DOI: [10.31119/jssa.2020.23.2.6](https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.6)
- Borisenkova A.V. (2007) *Teoriya povestvovaniya Polya Rikera: ot narrativnoy organizatsii opyta k narrativnym osnovaniyam nauchnogo znaniya* [Paul Ricoeur's theory of narrative: From the narrative organization of experience to the narrative foundations of scientific knowledge]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 6. No. 1. P. 55–63.

- Bozkurt A., Karakaya K., Turk M., Karakaya Ö., Castellanos-Reyes D. (2022) The Impact of COVID-19 on Education: A Meta-Narrative Review. *TechTrends*. Vol. 66. P. 883–896. DOI: [10.1007/s11528-022-00759-0](https://doi.org/10.1007/s11528-022-00759-0)
- Bruner J. (2005) Life as Narrative. *Postneklassicheskaya psikhologiya*. No. 1(2). P. 9–29.
- Chernyavskaya V.E. (2016) Historical Past as a Textual Reality: A Linguistic Approach in the Historical Narrative and its Methodological Implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 3(41). P. 76–87. DOI: [10.17223/19986645/41/7](https://doi.org/10.17223/19986645/41/7)
- Clandinin D., Caine V. (2008) *Narrative Inquiry*. In: Given L.M. (ed.) *The Sage Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. CA: SAGE Publications. Vol. 2. P. 541–545.
- Danto A. (1962) Narrative Sentences. *History and Theory*. Vol. 2. Is. 2. P. 146–179.
- Danto A. (1985) *Narration and Knowledge: Including the Integral Text of Analytical Philosophy of History*. New York: Columbia University Press.
- Dey P. (2006) The Rhetoric of Social Entrepreneurship: Paralogy and New Language Games in Academic Discourse. In: Steyaert Ch., Hjorth D. (eds.) *Entrepreneurship as Social Change: A Third New Movements in Entrepreneurship Book*. Cheltenham (UK) & Northampton (USA): Edward Elgar Publishing Limited. P. 121–142.
- Dey P., Steyaert Ch. (2010) The Politics of Narrating Social Entrepreneurship. *Journal of Enterprising Communities People and Places in the Global Economy*. Vol. 4. Is. 1. P. 85–108. DOI: [10.1108/17506201011029528](https://doi.org/10.1108/17506201011029528)
- Dey P., Steyaert Ch. (2012) The Critical Turn in Social Entrepreneurship Research. *Conference Paper: "Toward an Ideology Critique of Social Entrepreneurship"*. University of Northampton, UK. Swindon: ESRC. Available at: <https://www.alexandria.unisg.ch/handle/20.500.14171/91818>
- Edinger A., Valdez D., Walsh-Buhi E., Trueblood J.S., Lorenzo-Luaces L., Rutter L.A., Bollen J. (2023) Misinformation and Public Health Messaging in the Early Stages of the MPOX Outbreak: Mapping the Twitter Narrative with Deep Learning. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 25. DOI: [10.2196/43841](https://doi.org/10.2196/43841)
- Erofeeva M.A. (2013) The Narrative Nature of Science and Legitimization of Scientific Knowledge. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. No. 1(10). P. 30–34.
- Erol N. (2015) The Role of Narrative Methods in Sociology: Stories as a Powerful Tool to Understand Individual and Society. *Journal of Sociological Research*. Vol. 18. Is. 1. P. 103–125.
- Fludernik M. (2009) *Introduction to Narratology*. London; New York: Routledge.
- Genette G. (1966–2002) *Figures: I–V*. Paris: Seuil.
- Genette G. (1983) *Narrative Discourse: An Essay in Method*. New York: Cornell University Press.
- Ghodratnama S., Beheshti A., Zakershahra M., Sobhanmanesh F. (2021) Intelligent Narrative Summaries: From Indicative to Informative Summarization. *Big Data Research*. Vol. 26. DOI: [10.1016/j.bdr.2021.100257](https://doi.org/10.1016/j.bdr.2021.100257)
- Gomza T. (2001) Narrativ v lektzii [Narrative in lecture]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 3. P. 53–58.
- Gubman B.L. (2018) A.C. Danto and P. Ricœur: Narrative as a Tool of Historical Knowledge. *Filosofskie nauki*. No. 10. P. 143–159. DOI: [10.30727/0235-1188-2018-10-143-159](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-10-143-159)
- Hyvärinen M. (2016) Narrative and Sociology. *Narrative Works*. Vol. 6. Is. 1. P. 38–62.
- Kim J., Monroy-Hernandez A. (2016) Storia: Summarizing Social Media Content Based on Narrative Theory Using Crowdsourcing. *CSCW'16: Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing* (San Francisco, February 27– March 2, 2016). New York: Association for Computing Machinery. P. 1018–1027. DOI: [10.1145/2818048.2820072](https://doi.org/10.1145/2818048.2820072)
- Kirchanov M.V. (2015) The “Grand Narratives” as Universal Form of Historical Myths Functioning in Contemporary Latvian Historiography. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 1–1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17826>

- Kirchanov M.V. (2022) Contemporary Russian Europeanism as a “Marginal” Political Tradition and a Historiographic Grand Narrative. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 6. No. 2. P. 208–216. DOI: [10.35634/2587-9030-2022-6-2-208-216](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-2-208-216)
- Kreiswirth M. (1992) Trusting the Tale: The Narrativist Turn in the Human Sciences. *New Literary History*. Vol. 23. Is. 3. P. 629–657. DOI: [10.2307/469223](https://doi.org/10.2307/469223)
- Kutkovaya K.S. (2014) Narrative in the Study of Identity. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*. No. 4(16). P. 23–33.
- Lekhtsier V.L. (2013) Narrative Turn and the Actuality of the Narrative Mind. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. No. 1. P. 5–8.
- Lotman Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. Moscow: Iskusstvo.
- Lotman Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside thinking worlds]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Lotman Yu.M. (2005) *Ob iskusstve* [About art]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- Lytard J.-F. (1998) *La Condition postmoderne*. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteya.
- Mair J., Chien M., Kelly S.J., Derrington S. (2021) Social impacts of mega-events: a systematic narrative review and research agenda. *Journal of Sustainable Tourism*. Vol. 31. Is. 2. P. 538–560. DOI: [10.1080/09669582.2020.1870989](https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1870989)
- Malinova O.Yu. (2016) The Official Historical Narrative as a Part of Identity Policy of the Russian State: From the 1990s to the 2000s. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 139–158. DOI: [10.17976/jpps/2016.06.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10)
- Mitrofanova O.A. (2022) Narrativ i polilog v tematicheskikh modelyakh [Narrative and polylogue in thematic models]. *Tezisy 50-y Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii im. L.A. Verbitskoy*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. P. 244.
- Polkinghorne D.P. (1988) *Narrative Knowing and the Human Sciences*. Albany: State University of New York Press.
- Polletta F., Chen P., Gardner B., Motes A. (2011) The Sociology of Storytelling. *Annual Review of Sociology*. Vol. 37. P. 109–130. DOI: [10.1146/annurev-soc-081309-150106](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150106)
- Potamskaya V.P. (2019) Filosofiya istorii Kh. Uayta: proshloe i narrativ [Philosophy of history by H. White: Past and narrative]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. No. 3(49). P. 195–205.
- Propp V.Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow: Labirint.
- Ricoeur P. (1983–1985) *Time and Narrative: 3 Vols*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rudakova G.M., Korchevskaya O.V. (2018) Development of a System for Processing Narrative Data. *ITNOU: Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i upravlenii*. No. 5(9). P. 33–38.
- Sapogova E.E. (2005) The Autobiographic Narrative in the Context of Cultural Historical Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. No. 2. P. 63–74.
- Sheygal E.I. (2007) The Many Faces of Narrative. *Politicheskaya lingvistika*. No. 2(22). P. 86–93.
- Toynbee A.J. (1976) *Mankind and Mother Earth: A Narrative History of the World*. Oxford: Oxford University Press.
- Trotsuk I.V. (2004) Narrative as an Interdisciplinary Methodological Construct of Contemporary Social Science. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. No. 6–7. P. 56–74.
- Tyupa V.I. (2022) Yu.M. Lotman and Contemporary Narratology. *Filologicheskiy klass*. Vol. 27. No. 1. P. 55–62.

Volchik V.V., Maslyukova E.V. (2018) Narratives, Ideas and Institutions. *TERRA ECONOMICUS*. Vol. 16. No. 2. P. 150–168. DOI: [10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168)

White H. (1973) *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

White H. (1980) The Value of Narrativity in the Representation of Reality. *Critical Inquiry*. Vol.7. Is. 1. P. 5–27.

White H. (1987) *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: The John Hopkins University Press.

Yefimishch N.M. (2018) The Past in Constructing National Identity: Grand Narratives of Ukraine. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. No. 2. P. 77–90.

Zhang Q., Gao J., Wu J.T., Cao Z., Dajun Zeng D. (2021) Data Science Approaches to Confronting the COVID-19 Pandemic: A Narrative Review. *Philosophical Transactions of the Royal Society A*. Vol. 380. Is. 2214. DOI: [10.1098/rsta.2021.0127](https://doi.org/10.1098/rsta.2021.0127)

Дата поступления/Received: 22.03.2024